

Москва в ее прошлом и настоящем

Выпуск 8

УДК 93
ББК 63.3
М82

М82 Москва в ее прошлом и настоящем: Выпуск 8 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 176 с.

ISBN 978-5-458-16309-5

Издание посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забелина.

ISBN 978-5-458-16309-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

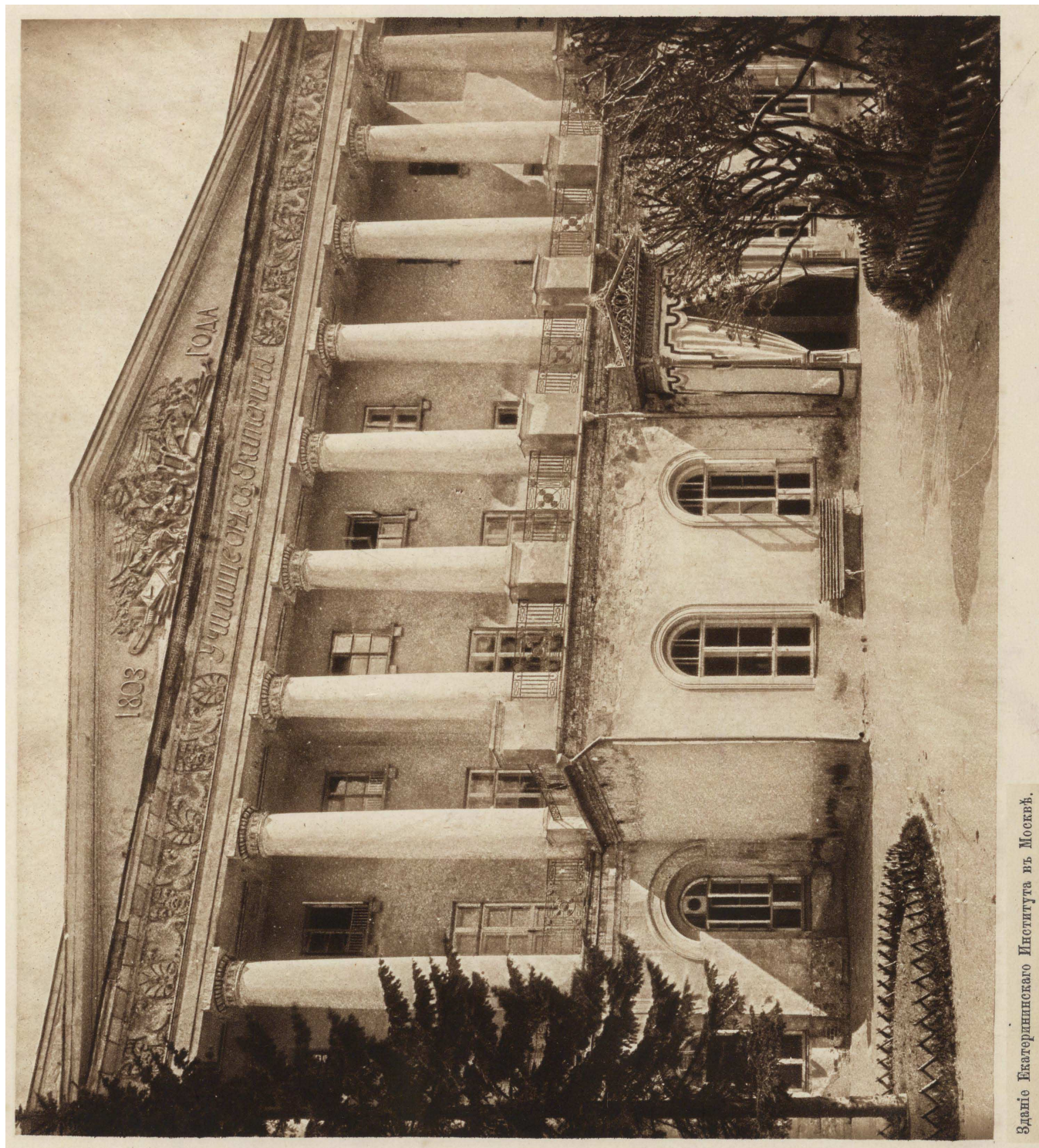
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Здание Екатеринбургского Института в Москвѣ.

Московская школа Екатерининской эпохи.

М. А. Голубцовой.

Послѣ смерти Петра В. наступаетъ для московской школы безвременье ¹⁾. Начиная съ 20-хъ годовъ, въ Петербургѣ то-и-дѣло возникаютъ учебныя заведенія: среднее и высшее образованіе сосредоточилось здѣсь; Москвѣ надолго осталось только элементарное обученіе. Все, нужное для школы новой столицы, начиная съ книгъ и инструментовъ и кончая учениками и учителями, высылалось въ Петербургъ. Москва оскудѣла. Здѣсь до 50-хъ годовъ возникли лишь въ 1731 г. гарнизонныя школы, да въ 1735 г. Артиллерійское училище около Сухаревой башни; продолжалъ учить Магницкій. Существовала духовная Академія.

Потребность же въ школѣ, особенно—для дворянъ, ощущалась. Развивается домашнее и частное обученіе, преимущественно французское. Французское вліяніе растетъ и крѣпнетъ особенно въ Елизаветинскую эпоху. Въ Москвѣ начинаютъ появляться иностранныя пансіоны; обычная программа ихъ: нѣмецкій и французскій языки, исторія и географія, танцы и музыка. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» нерѣдко среди объявленій о «заграничныхъ кинарейкахъ» или «курантахъ» можно встрѣтить о нихъ извѣщенія. Говорить здѣсь о недостаткахъ французскаго воспитанія излишне: ихъ достаточно освѣтила наша сатира XVIII вѣка. Среди учителей часто попадались люди съ весьма сомнительнымъ прошлымъ. Графъ de la Messalière, кавалеръ французскаго посольства, пишетъ, побывавши въ Россіи (въ 1757 г.): «Мы были удивлены и огорчены, найдя, что у многихъ знатныхъ господъ живутъ бѣглецы, банкроты, развратники и не мало женщинъ такого же рода, которые по здѣшнему пристрастію къ францу-

¹⁾ См. объ этомъ нашъ очеркъ: «Московская школа Петровской эпохи» въ VII вып. настоящаго изданія, стр. 33—48.

замѣ занимались воспитаніемъ дѣтей значительныхъ лицъ; должно быть, эти отверженцы нашего отечества расселились вплоть до Китая, — я встрѣчалъ ихъ вездѣ». По предложенію французскаго посольства, русское правительство «сдѣлало разборъ» этимъ педагогамъ, и самые «безнравственные были отправлены моремъ на родину, по принадлежности». «Императрица узнала объ этомъ съ удовольствіемъ», — заканчиваетъ графъ, — «и много смѣялась надъ тѣми, которые были обмануты этими негодьями». Указы имп. Елизаветы и Екатерины II о томъ, чтобы иностранцы держали экзаменъ при Университетѣ, строго запрещавшіе принимать недипломированныхъ учителей, почти не исполнялись. Домашнее обученіе еще долго оставалось, по выраженію Екатерины II, «мутнымъ ручьемъ»; русскіе журналы 80-хъ годовъ попрежнему горько сѣтовали на иностранные «пенсіоны».

А между тѣмъ дворянство 50 — 60-хъ годовъ XVIII ст. уже было организованной массой, которая чувствовала необходимость просвѣщенія и нравственнаго усовершенствованія, на которыхъ можно было бы основать свое сословное господство. Выдающіеся дворяне, какъ, напр., кн. Щербатовъ, начинаютъ говорить объ особыхъ «дворянскихъ добродѣтеляхъ», «дворянскомъ видѣ». Профессора Московскаго Университета, въ своихъ рѣчахъ указывая на необходимость всеобщаго просвѣщенія, ждуть его отъ имп. Екатерины. На первый планъ выдвигается воспитаніе, просвѣщеніе разума, который подаетъ «истинное понятіе добра и зла».

Еще болѣе радикально была настроена въ 60-ые годы сама Екатерина II. Подъ вліяніемъ западной просвѣтительной литературы сложились и окрѣпли ея убѣжденія. «Блага страны» она хотѣла достигнуть при помощи свободы, разума и просвѣщенія. «Я хочу, чтобы повиновались законамъ, но не рабовъ». «Надо просвѣщать націю, которой долженъ управлять», — пишетъ она и набрасываетъ тутъ же программу: «Каждый гражданинъ долженъ быть воспитанъ въ сознаніи долга своего передъ Высшимъ Существомъ, передъ собой, передъ обществомъ, и нужно ему преподать нѣкоторыя искусства, безъ которыхъ онъ почти не можетъ существовать въ повседневной жизни».

Французская философія опредѣляла общій тонъ педагогическихъ воззрѣній Екатерины. Воспитаніе и просвѣщеніе — вотъ исходная точка новой педагогической системы; человѣкъ-гражданинъ — ея конечная цѣль.

Необходима и неизбежна была реформа школы, рассчитанной на другіе вкусы и преслѣдовавшей иныя цѣли. Новая школа должна была покоиться на самыхъ смѣлыхъ выводахъ западной педагогической мысли, начиная съ А. Коменскаго и Монтаня и кончая Локкомъ и Руссо. Новая теорія воспитанія исходила изъ той основной предпосылки, что душа ребенка — мягкій воскъ, который легко поддается всякому внѣшнему воздействию; необходимо тщательное воспитаніе, чтобы ребенокъ сталъ человѣкомъ. «Человѣкъ безъ воспитанія едва достоинъ сего званія». Локкъ, а за нимъ Руссо говорятъ объ этомъ довольно осторожно, признавая индивидуальность въ ребенкѣ и нѣсколько оспаривая всемогущество воспитанія. Кондильякъ и др. сенсуалисты шли гораздо дальше: они не признавали ничего врожденнаго. По ихъ мнѣнію, вліяніемъ внѣшняго міра

обусловливалось все внутреннее развитіе челоѣка, — воспитаніе всемогуще... Этотъ взглядъ и преобладать въ нашей русской школѣ XVIII вѣка. Конечной цѣлью воспитанія было полное развитіе силъ и способностей; профессиональная выучка отодвигалась на задній планъ. Главное вниманіе должно быть обращено на развитіе въ ребенкѣ нравственной личности и только потомъ на его умственное просвѣщеніе, т. к. это вещь для «челоѣка» второстепенная. Воспитательныя средства должны были быть подсказываемы природою и разумомъ; любовью и вниманіемъ нужно окружать ребенка.

Таковы тѣ педагогическія идеи, которыя составляли сущность новой системы воспитанія. Онѣ начали проникать и въ Россію: въ Москвѣ въ 1760 г. появился переводъ Локка (проф. Поповскаго), въ 1788 г. вышедшій уже 2-мъ изданіемъ. Въ журналахъ и газетахъ, въ торжественныхъ рѣчахъ профессоровъ и на диспутахъ, въ общественныхъ мѣстахъ и собраніяхъ замѣтно стало сказываться вліяніе новыхъ идей.

«Наказъ» имп. Екатерины и собраніе въ Москвѣ депутатовъ Комиссіи 1767 г. поддерживали общее настроеніе. 60 — 70-ые годы гораздо болѣе важны именно этимъ просвѣтительнымъ движеніемъ, чѣмъ фактически существовавшими въ Москвѣ школами. Тогда какъ въ Петербургѣ за 1762—67 г.г. было реформировано согласно новой теоріи и основано вновь до 5 учебно-воспитательныхъ заведеній, въ Москвѣ появились только Воспитательный Домъ въ 1763 г. да Коммерческое училище имени Прокофія Демидова въ 1772 г. Напрасно Московское дворянство просило въ своемъ наказѣ 1767 г., чтобы ему «такая же высочайшая милость оказана была, каковая въ С.-Петербургѣ дѣйствительные плоды приносить начинаетъ, — учрежденіемъ въ здѣшной столицѣ двухъ мѣстъ для воспитанія дворянскихъ дѣвицъ, въ первомъ — малолѣтнихъ, а во второмъ — взрослыхъ, также и кадетскаго корпуса для молодыхъ дворянъ». Ни того, ни другого такъ и не было устроено въ Москвѣ при Екатеринѣ II.

Главнымъ дѣятелемъ Московскаго просвѣщенія 60-хъ годовъ былъ сотрудникъ послѣдней по педагогической части, И. И. Бецкій. 15-тъ лѣтъ онъ прожилъ въ Парижѣ, гдѣ изъ первыхъ рукъ получилъ смѣлыя и простыя рѣшенія сложныхъ вопросовъ воспитанія и жизни. Онъ посѣщалъ за границей благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, напр., Воспитательные Дома Лондона и Ліона, Saint-Cyr, кадетскіе корпуса. Вернувшись въ Петербургъ, онъ скоро сталъ у императрицы «своимъ, домашнимъ челоѣкомъ», и ему было поручено составленіе Генеральнаго плана о воспитаніи.

Горячій и убѣжденный сторонникъ новой системы воспитанія, Бецкій выгодно отличался отъ своихъ современниковъ добрымъ и чуткимъ сердцемъ, искренней любовью къ юношеству, къ слабымъ и угнетеннымъ. Современники склонны были его считать «красотою и украшеніемъ рода челоѣческаго» и на могилѣ его вырѣзали слова: «Лучъ милости былъ, Бецкій, ты».

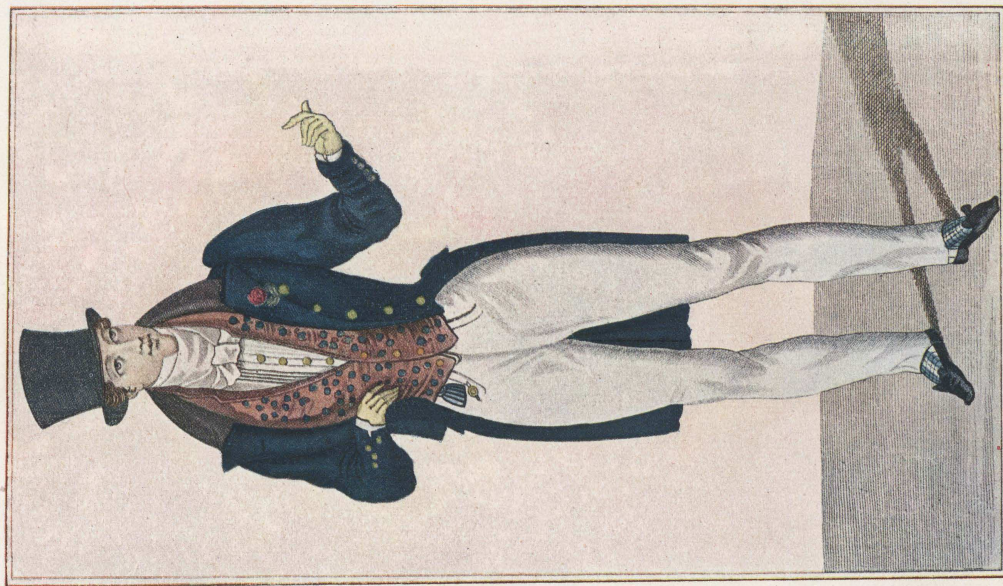
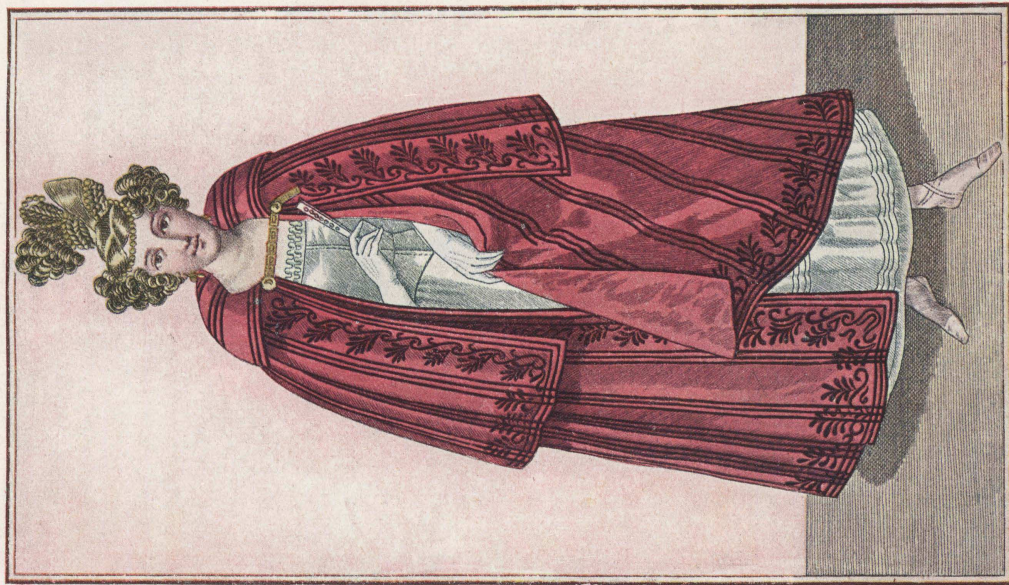
Первымъ опытомъ Бецкаго въ его просвѣтительно-благотворительной дѣятельности былъ Уставъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Вскорѣ

послѣ коронаціи (10 іюня 1763 г.) Бецкій подавъ императрицѣ свой докладъ о необходимости государственнаго призрѣнія покинутыхъ младенцевъ. «Сколько несчастныхъ, сколько убійствъ, сколько ежегодно вы лишаетесь подданныхъ, которые могли бы быть годными и полезными членами общества»,—писалъ онъ, убѣждая императрицу основать домъ Воспитанія по примѣру западныхъ государствъ; былъ приложенъ имъ и Уставъ Дома. Разсмотрѣнный и одобренный особой Комиссіей (кн. Шаховской, Н. Панинъ и гр. Эрнстъ Минихъ), онъ былъ утвержденъ 26 авг. 1763 г., а 21 апр. 1764 г. уже начался пріемъ младенцевъ во временныхъ строеніяхъ близъ Варварскихъ воротъ, въ Васильевомъ саду, гдѣ и теперь находится Воспитательный Домъ.

Ночью и днемъ принимались приносимые младенцы. Швейцаръ, записывая младенца въ книгу подъ опредѣленный номеръ, могъ спросить только о томъ, крещенъ онъ или нѣтъ, и какъ ему имя. Послѣ медицинскаго осмотра, ребенокъ подъ своимъ номеромъ поступалъ въ малолѣтнее отдѣленіе на руки нянюшекъ и кормилицъ и оставался здѣсь до 2-хъ лѣтъ. Уставъ предписывалъ строго соблюдать гигиеническія правила, чтобы ребенокъ выходилъ крѣпкимъ. Дѣти съ 2 до 7 лѣтъ жили въ отдѣльномъ корпусѣ. «Все время младости раздѣляется на три упражненія—ѣсть, спать и играть». Окружающіе должны поддерживать въ дѣтяхъ «веселый нравъ» и «бодрый видъ», должны удовлетворять ихъ острую любознательность и учить примѣромъ своимъ всякой добродѣтели. Отъ 7 до 11 л. дѣти посѣщаютъ школу; мальчики и дѣвочки учатся здѣсь основамъ вѣры, русской грамотѣ, началамъ ариѳметики, немного географіи. Такъ какъ питомцы, по планамъ Бецкаго и Екатерины, должны были положить начало въ Россіи трудолюбивому «третьему сословію», tiers état, то Уставъ предписываетъ имъ знать свои должности «человѣка и гражданина» и практически—ремесла. Для этой цѣли при Домѣ существовали разныя мастерскія, въ которыхъ мальчики обучались плести сѣти, столярничать; дѣвочки—шить, хозяйничать и т. п. 18 или 20-и лѣтъ воспитанники и воспитанницы получали «вольный паспортъ», рубль денегъ и выпускались изъ Дому; могли устраиваться, какъ они хотѣли.

Въ 1767 г. были утверждены императрицей II и III части Устава Воспитательнаго Дома. Въ нихъ были подробно развиты указанія относительно физическаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія дѣтей.

Воспитательный Домъ долженъ былъ имѣть, по плану Бецкаго, громаднѣйшій штатъ кормилицъ, надзирателей, учителей, приставницъ, экономовъ и т. д. Въ своихъ отношеніяхъ къ воспитываемому юношеству всѣ должны были руководиться чистой любовью; примѣръ—главное воспитательное средство. Всея громадной іерархіи Дома рекомендовались предусмотрительно «дружелюбіе и единодушіе и взаимныя совѣты, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не раздиралъ того, что другіе шиваютъ»,—какъ выразилась Екатерина II въ своей «Инструкціи» кн. Салтыкову. Во главѣ Управленія Воспитательнаго Дома стоятъ Опекунскій Совѣтъ и Главный Надзиратель, какъ исполнительный органъ, «мужъ богобоязненный, честный и трудолюбивый, въ воспитаніи дѣтей искусный». Члены Опекунскаго Со-

Московскія моды начала XIX вѣка.

вѣта — знатныя особы, «признавая себя добровольно отцами многихъ тысящей дѣтей, въ сей Домъ входящихъ», должны заботиться о точномъ исполненіи устава, о матеріальныхъ средствахъ и «всячески умножать добрую славу сего заведенія».

Воспитательный Домъ не подчинялся никакой власти, кромѣ самой Государыни, и былъ надѣленъ широкимъ самоуправленіемъ. Домъ милосердія долженъ былъ содержаться на средства общества, и книги для вписыванія пожертвованій всегда лежали открытыми. Затѣмъ, главнымъ источникомъ его средствъ были различныя привилегіи, какъ то: сборы со зрѣлицъ и картъ, проценты съ капиталовъ, которые лежали въ его кассахъ.

Въ стройныхъ планахъ и уставахъ Бецкаго не мало «логическихъ промаховъ, психологическихъ недосмотровъ».

Въ «Извѣстіяхъ Московскаго Воспитательнаго Дома» за 1787 г. есть отчетъ о дѣятельности Дома за 20 лѣтъ; цифры его весьма краснорѣчивы. За 20 лѣтъ въ Домъ поступило 37.607 мл. Изъ нихъ выпущено 1.020, подростующихъ и готовящихся къ выпуску 6.000; итого изъ 37.607 живыхъ — 7.100. «Можетъ показаться», — читаемъ мы дальше, — «слишкомъ малъ остатокъ, надлежало бы быть 18.315 (50% дѣтей умираетъ до 6 л. и 1% до 16 л.)».

Смертность ужасная — 85%. Правила гигиены плохо соблюдались. Очень рано сталъ ощущаться и недостатокъ въ средствахъ: Воспитательный Домъ вмѣстѣ со своимъ Петербургскимъ Отдѣленіемъ поглощаль ежегодно 190.000 руб., а пожертвованія поступали туго. Первый опекунъ Похвисневъ горько сѣгуетъ на равнодушіе общества и присутственныхъ мѣстъ, на недобросовѣстность подрядчиковъ.

Дѣтей скоро стали раздавать на воспитаніе по деревнямъ. Смотрительница Зильберазмъ въ 1791 г. жалуется, что помѣщеніе тѣсно, воздуха мало, форточекъ нѣтъ; въ домѣ, который разсчитанъ въ 1788 г. на 278 мл., теперь 986. Выживали только самые крѣпкіе, да и тѣ навсегда сохраняли на себѣ отпечатокъ Воспитательнаго Дома. По свидѣтельству лица, близко ихъ наблюдавшаго, «всѣ питомцы до 3 и 4 года имѣютъ какой то особый типичный отпечатокъ, всѣ они блѣднолицы, сложенія далеко не крѣпкаго, имѣютъ унаслѣдованныя болѣзни—чахотку и даже подагру. Свѣжаго и крѣпкаго среди питомцевъ не увидишь ни одного».

Воспитанія тамъ тоже было мало. Негдѣ было взять людей, которые могли бы создать ту нравственную атмосферу, о которой писалъ Бецкій. Уставы его не исполнялись. Императрица, посѣтивши Домъ въ 1775 г., нашла, что «дѣти неловки, непонятливы, молчаливы и угрюмы». Вскорѣ самъ Бецкій, увидѣвъ въ Петербургѣ своихъ питомцевъ, сильно огорчился: онъ не нашель у нихъ «ни малѣйшаго послушанія, никакой склонности къ трудолюбію, ничего, кромѣ невѣжества, неповинованія и упрямства». Въ 1784 г. до него доходили слухи, что «дѣвушки воспитываются подло, что безмѣрно унижаются души людей, уготовляемыхъ быть свободными». Дѣтей 10—12 л. часто отдавали въ мастерскія, на фабрики, къ мастерамъ на сторону. «Воспитаніе ихъ было унижительное самого воспитанія крестьянскихъ дѣтей»; питомцы попадались въ дракахъ въ питейныхъ домахъ.

Оправдываясь передъ императрицею, Бецкій писалъ ей, что онъ дѣлалъ все, что могъ: «Чуть не каждую недѣлю пишу цѣлую книгу Опекунскому Совѣту и Надзирателю». Опекунскій Совѣтъ и не думалъ точно слѣдить за исполненіемъ Устава. Главные надзиратели первое время часто мѣнялись (въ 15 лѣтъ—9 чел.), да большинство изъ нихъ едва ли что и понимало въ практикѣ воспитанія. Какъ могли руководить дѣломъ первый надзиратель Ростъ, профессоръ военной архитектуры и фортификаціи въ Московскомъ Университетѣ, или историографъ Миллеръ, взявшій на себя эту должность, по его признанію, «единственно изъ послушанія и въ упованіе, что потомъ возможно мнѣ будетъ пользоваться Московскими архивами для російской исторіи»? Это все таки были люди образованные. Непосредственные воспитатели дѣтей часто и того не имѣли, не понимали даже «духа воспитанія». По отчету 1787 г. однако видно, что все-таки многіе питомцы поступили на службу на фабрики, въ конторщики; были среди нихъ дѣльные мастера, бухгалтера, доктора, художники, архитекторы, артисты. Воспитанницы поступали въ услуженіе, шли на фабрики, въ портнихи, танцовщицы, модистки. Любопытно, что всѣ они сохраняли и въ зрѣломъ возрастѣ отпечатокъ Воспитательнаго Дома. «Всѣ они необыкновенно довѣрчивы, просты и добры и безъ малѣйшей хитрости. Питомца узнаете изъ тысячи человѣкъ». Для XVIII в. приходится цѣнить и это воздѣйствіе.

При Московскомъ Воспитательномъ Домѣ существовало еще Коммерческое училище имени Прокофія Демидова, извѣстнаго тогда благотворителя. Уставъ этого училища составлялъ Бецкій, но онъ совѣтовался съ Демидовымъ. Въ декабрѣ 1772 г. планъ его былъ уже утвержденъ императрицей.

Училище предназначалось для 100 мальчиковъ купеческаго происхожденія. Дѣти принимались 5—6 лѣтъ, оставались въ училищѣ до 20-лѣтняго возраста и почти не отпускались домой: ихъ хотѣли уберечь отъ вреднаго вліянія среды. Они дѣлились на пять возрастныхъ группъ (6—9 л., 9—12 и т. д.); каждая получала свой точно опредѣленный кругъ наукъ; строго опредѣлялся порядокъ дня, правила поведенія и т. д. Обученіе было энциклопедическое; въ школѣ проходились: языки—русскій, нѣмецкій, французскій, затѣмъ ариѳметика, геодезія, исторія, геометрія, механика, мореплаваніе, краснорѣчіе, натуральная исторія, физика, химія, бухгалтерія, экономія, свѣдѣніе правъ государственныхъ. Когда Демидовъ сталъ возражать противъ такой многопредметности, Бецкій отвѣтилъ ему, что имъ «за основаніе принято не по одной той ниткѣ юношество проводить». «Когда худы будутъ воспитанники, вина почестся должна буйству и нерадѣнію начальниковъ, воспитателей и мастеровъ, а не дѣтямъ». Воспитаніе должно было закончиться путешествіемъ на Западъ, чтобы воочію увидать успѣхъ торговли и научиться немного вести дѣла.

На первыя публикаціи о приѣмѣ учениковъ никто не явился; Бецкому пришлось прислать всѣхъ учениковъ изъ Петербурга. Во второй приѣмъ въ 1776 г. въ Москвѣ поступило 8 чел., изъ нихъ купеческихъ сыновей только 2, а недостающіе 12 были взяты опять изъ Петербурга. Постепенно